

Шэнь Хуайчжан завидовал удаче Цзинь Луаньдяня, но за этой завистью скрывалась глубокая неуверенность в себе. Приёмный сын, не имеющий кровных связей, мог расти в роскоши, а он, родной сын губернатора, первые двадцать лет своей жизни провёл в нищете и презрении. Думая об этом, он снова стал грубо обращаться с Цзинь Луаньдянем, чтобы выместить своё раздражение.

Цзинь Луаньдянь переживал цикл жизни и смерти, вновь и вновь. Он тщетно упирался ладонями в живот Шэнь Хуайчжана, запястья его дрожали от напряжения, а голова кружилась от нехватки воздуха. Его взгляд стал рассеянным, и он полностью потерял контроль над собой.

Шэнь Хуайчжан испытывал к Цзинь Луаньдяню смесь любви и ненависти. Любовь не имела особых причин — ему просто нравилось, как тот выглядел и как упорно держался. Если бы Цзинь Луаньдянь всегда покорялся ему, не сопротивлялся и не проявлял инициативы, Шэнь Хуайчжан, возможно, потерял бы к нему интерес и отпустил, дав какое-нибудь звание. Ненависть тоже не имела оснований — Цзинь Луаньдянь, как и его имя, был красавцем, который вызывал зависть. Даже письма, которые он писал Лун Юйлиню, показывали, что он был избалованным ребёнком, и Шэнь Хуайчжану хотелось его сломать.

Утренний свет пробивался сквозь стекло, освещая лицо Цзинь Луаньдяня. Он открыл глаза и встретил взгляд Шэнь Хуайчжана. Тот был уже одет, и его форма с эмблемой «Голубое небо» выглядела строго:

— Хватит спать, вставай, пора идти.

Цзинь Луаньдянь с трудом сел, ощущая боль в животе. Он нахмурился:

— Ты не сдержал слово.

Шэнь Хуайчжан подошёл ближе, его тень накрыла Цзинь Луаньдяня. Он достал из кармана так называемое соглашение о смертельном бое и нагло заявил:

— Как это я не сдержал слово? Ты сам дурак. Разве соглашение о смертельном бое должно быть у меня? Иди ищи владельца бойцовского клуба. К тому же ты подписал не соглашение, а кабальный договор.

Цзинь Луаньдянь был потрясён. Шэнь Хуайчжан продолжил:

— Деньги за твою продажу я уже отправил в резиденцию Гэ Цинъюня. Думаю, твой старший брат уже получил их.

Цзинь Луаньдянь дрожал от гнева. Он ударил Шэнь Хуайчжана в лицо, бросился на него и закричал:

— Как ты смеешь так унижать меня и моего брата! Ублюдок! Я убью тебя!

Шэнь Хуайчжан потрогал онемевшую скулу и усмехнулся:

— О, ты окреп. Я хотел отвести тебя к твоему брату, но, похоже, лучше оставить тебя здесь.

Цзинь Луаньдянь замер с поднятым кулаком. Шэнь Хуайчжан оттолкнул его и встал, приводя себя в порядок. Он был очень щепетилён в вопросах внешнего вида.

В этот момент вошёл Хэ Цзинью. Он не удивился увиденному. Цзинь Луаньдянь был голый, и Хэ Цзинью не стал смотреть на него, обратившись к Шэнь Хуайчжану:

— Брат Чжан, всё готово. Ты спустишься поесть, а я вызову машину, чтобы отвезти тебя на вокзал.

Цзинь Луаньдянь торопливо начал одеваться и спросил:

— Куда мы едем?

Шэнь и Хэ проигнорировали его.

После «смены флагов на Северо-Востоке» и окончания противостояния между Севером и Югом началась реорганизация армии. Шэнь Хуайчжану предстояло отправиться в Нанкин, где он неизбежно столкнулся бы со своими врагами.

Хэ Цзинью всегда относился к Цзинь Луаньдяню с теплотой, и теперь, когда один из главных его страхов уезжал, он хотел избавиться и от Цзинь Луаньдяня, чтобы скрыть свои собственные дела. Воспользовавшись своим положением «молочного брата», он открыл дверь машины для Цзинь Луаньдяня.

Шэнь Хуайчжан холодно посмотрел на них. Хэ Цзинью поспешно сказал:

— Брат Чжан, я подумал, что ты берёшь Цзинь Луаньдяня с собой, и уже собрал его вещи.

Шэнь Хуайчжан долго молчал, и Хэ Цзинью решил, что это молчание — знак согласия. Цзинь Луаньдянь сел в машину, направляющуюся в Нанкин.

На улице Хуагэне в Шанхае стоял ничем не примечательный дом, где жил Бай Хунци.

Бай Гэнчэнь был ещё ребёнком, а его мать, госпожа Бай, была молода. Она не хотела оставаться вдовой с ребёнком и вскоре вышла замуж за богатого купца. В воспитании Бай Гэнчэня Бай Хунци не прилагал особых усилий, ведь его собственная жизнь была устроена Лун Юйлинем.

Лун Юйлинь объездил весь Бэйпин в поисках старого придворного врача, который раньше ухаживал за кожами принцесс и императриц. Он попросил у него тюбик мази и велел Бай Хунци наносить её на лицо каждый день. Эффект был поразительным: если не присматриваться вплотную, шрамы были почти незаметны. Но Бай Хунци всё равно не хотел

выходить из дома.

Бай Хунци не нуждался в работе, но и не планировал зависеть от Лун Юйлиня. Он с детства изучал английский, и, хотя многое забыл, смог быстро восстановить знания. Он связался с издательством, купил несколько стопок англоязычных материалов и начал переводить иностранные книги, отправляя их в издательство. Ежемесячно он получал за это гонорар.

Когда Бай Хунци был занят, он забывал обо всём на свете. Но в свободное время его одолевали мысли о смерти. Он испытывал чувство, что лучше умереть, чем жить с изъяном, и это не было связано ни с кем другим, ни с болью или страданиями. Просто он не мог принять себя несовершенным.

Раньше Ань Вэйминь был для него смыслом жизни, и мысли о самоубийстве не доводились до конца. Но после их расставания в Шанцю Ань Вэйминь исчез, и Бай Хунци был уверен, что тот уже мёртв. Теперь у него не было причин жить, и он часто задумывался о том, чтобы умереть вместе с ним.

Сегодня утром служанка нашла в почтовом ящике гонорар от издательства. Зная о странностях хозяина, она просто постучала в дверь его комнаты и спустилась готовить завтрак, после чего исчезла в тех местах, где Бай Хунци мог появиться.

Лун Юйлинь выехал из Тяньцзиня и прибыл в Шанхай прошлой ночью. Он сначала зашёл в ателье, где заказал несколько модных летних нарядов, которые портные сшили в срочном порядке. Бай Хунци не любил носить старую одежду, но сам он ни за что не выходил из дома.

Лун Юйлинь вошёл в гостиную и крикнул снизу:

— Айци, я здесь!

Бай Хунци был единственным, перед кем Лун Юйлинь не притворялся. Услышав его голос, он открыл дверь. Лун Юйлинь, увидев мелькнувшую за перилами фигуру, быстро поднялся наверх с сумками.

Он подошёл к двери, поднял с пола конверт и увидел Бай Хунци. Тот стоял у окна, затянутого тяжёлыми зелёными шторами с кисточками. Шторы были настолько массивными, что он казался хрупким, как бумажный человек. Однако он не выглядел бледным или слабым. Напротив, его лицо было румяным, и солнечный свет, падая на него, словно оставлял розовый отблеск на фарфоре.

Бай Хунци сел за стол и спросил:

— Что случилось? Зачем ты приехал?

Лун Юйлинь положил конверт на стол и улыбнулся:

— Через пару дней я отправляюсь в Нанкин, поэтому решил сначала заехать к тебе. Я заказал тебе несколько новых нарядов. Попробуй их, если что-то не подойдёт, я отнесу обратно в ателье.

— И волосы у тебя отросли, — добавил Лун Юйлинь, стоя за его спиной и положив руки на плечи. — Эй, дай я тебя подстригу.

Бай Хунци покачал головой:

— Нет, ты не парикмахер, подстрижёшь криво.

— Откуда ты знаешь, что я плохо стригу? Я дома часто стриг отца, — сказал Лун Юйлинь, доставая машинку и бритву.

Он налил воды в таз, накиннул на шею Бай Хунци белую ткань и крепко держал его за плечи, не давая двигаться.

Лун Юйлинь практиковался на Лун Тянься и Гэ Цзюсяо, сначала обрив их наголо. Когда их волосы отросли, они больше не позволяли ему к ним прикасаться. Затем он начал стричь слуг в резиденции Гэ, освоив короткие стрижки, «бобрик», «помпадур» и «пробор». Теперь он был уверен в своих навыках и решил попробовать на Бай Хунци.

Быстро подстриг его, Лун Юйлинь смахнул щёткой оставшиеся волосы с шеи, снял ткань и с удовлетворением улыбнулся:

— Готово.

Бай Хунци почувствовал лёгкое покалывание на шее и потянулся, чтобы почесать её. Уши и шея покраснели, и этот румянец был завораживающим. Лун Юйлинь не смог удержаться и вложил свои пальцы между пальцами Бай Хунци, сжав его руку.

Бай Хунци посмотрел на него снизу вверх, а Лун Юйлинь наклонился, чтобы встретиться с его взглядом, и поцеловал его в лоб. Лун Юйлинь смотрел на него пылающим взглядом, но при этом задел старую рану:

— Айци, если бы он был жив, разве бы он не нашёл тебя? А если бы он был жив и всё равно не искал тебя, то ты зря ждёшь.

Они выросли вместе, и их семьи не смогли дать им счастливого начала. Бай Хунци не надеялся на счастливый конец их двадцатилетней связи. Он решил, что если Лун Юйлинь хочет любить его, пусть любит. В любви Лун Юйлиня не было вины Бай Хунци.

Бай Хунци спокойно сказал:

— Раньше я считал тебя легкомысленным, но теперь, когда ты собираешься создать семью, ты

всё ещё так несерьёзен.

<http://bllate.org/book/15577/1386806>